

Д.Я.Алиева

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ САМОРЕФЛЕКСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Алиева Дильбар Якубовна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии философского факультета университета Яна Коменского (Братислава).

Функции историографического анализа социологии

Несмотря на относительную научную молодость, социология (здесь и далее имеется в виду главным образом немарксистская социология) сумела обзавестись довольно солидной историографией. Разрабатываемая в последние годы в рамках широких метатеоретических исследований, она приобрела статус самостоятельной социологической субдисциплины с четкими функциями, определение которых, правда, пока не стало предметом самостоятельных методологических изысканий. Это говорит о том, что сама история социологии еще недостаточно себя рефлектирует.

При идентификации основных функций историографической рефлексии социологии мы будем исходить из основных задач, решаемых историографией любой научной дисциплины. Прежде всего, это регистрация определенной хронологической последовательности событий, совершающихся в процессе исторического развития той или иной науки, фиксация всех объявившихся в ней идей, теорий, концепций, открытий, экспериментов и т.п. с указанием дат, имен и биографических данных ученых, имеющих к ним непосредственное отношение. Именно потому первичную функцию можно обозначить как дескриптивно-регистрающую. В результате обеспечения этой функции формируется базисный, фактический материал истории науки, и, соответственно, ее низший, фактофиксирующий уровень.

Дескриптивно-регистрающие задачи осуществляются обычно на ранних этапах развития истории науки, хотя и на более поздних стадиях с нее отнюдь не снимается необходимость тщательной регистрации текущего фактического, документального, библиографического, событийного и прочего материала.

Следующая по важности задача — упорядочивание тех фактических данных, которые были накоплены на первичном, дескриптивном уровне. Для этого проводится дискриминационный анализ теорий и концепций, уточняются границы между ними, проясняется их собственная логическая структура. Тем самым историография науки выполняет уже аналитико-дискриминационную функцию. В частности, кристаллизуется концептуальное содержание соответствующих теорий и направлений, очищается от смыслового балласта их понятийное ядро, что закрепляется в рутинной терминологической форме. Таким образом, возводится второй, аналитический "этаж" историографического здания. Надо подчеркнуть, что выполнение аналитико-дискриминационной функции по плечу лишь развитой историографии науки.

На протяжении всего своего существования история социологии была как дескриптивно-регистрающей, так и аналитико-дискриминационной. Подобно всякой историографии, она стремилась обстоятельно фиксировать биографическую, библиографическую, документальную и прочую информацию, касающуюся постоянно возникающих в лоне социологии концепций, теорий, взглядов, установок. Однако прежде, чем эта информация выстраивалась в определенный "событийный ряд", происходил отбор наиболее зрелых и влиятельных структур, проверенных временем и достойных того, чтобы войти в традицию социологической мысли. Вероятно, именно поэтому история

социологии избежала таких крайностей дескриптивно-регистрирующего подхода, когда он мог обернуться сводом жизнеописаний выдающихся деятелей, как это было в гражданской истории, или же сборником высказываний мудрецов, анекдотов биографического характера и т.п., как это было на ранних этапах развития истории философии.

Может быть, благодаря своему более позднему происхождению, а также под влиянием сложившихся к тому времени в других науках зрелых форм историографического анализа, истории социологии удалось на первых порах счастливо миновать примитивных проявлений историографического дескриптивизма и перейти к его более интеллектуально усложненным версиям, требующим определенной аналитической культуры. Тем не менее, установка на дескриптивизм обнаруживается в том предпочтении, которое ряд историков социологии отдают так называемому персональному подходу, сосредоточивая внимание не столько на истории школ или направлений, сколько на отдельных мыслителях. В результате "история мысли легко превращается в биографию мысли" [1, р.3]. Дескриптивистские тенденции проявляются и в намеренном подчеркивании некоторыми авторами повествовательного, нарративного характера истории социологии [2, р.9].

И все же в целом дескриптивно-регистрирующая функция историографии социологии всегда была подчинена аналитико-дискриминационной, обеспечивающей систематизацию множества реальных социологических теорий, школ и направлений путем их дискриминационного анализа. Присущий немарксистской социологии плюрализм привел к развитию обостренной потребности порядка внутри дисциплины. Главным средством его наведения становились многочисленные "классификации собственных теорий" [2, р.59]. Даже в такой ранней публикации, как "Философия истории как социология" П.Барта подробное и хронологически последовательное описание социологических школ и теорий XIX века оказывается "подвешенным" на заранее подготовленную классификационную схему. Подобное сочетание дескриптивно-регистрирующего и аналитико-дискриминационного подходов характерно и для всех общепризнанных историко-социологических работ, включая труды П.Сорокина, Г.Барнеса и Г.Беккера, Д.Мартиндейла, Н.Тимашева, Т.Боттомора и Р.Низбета, Дж.Ритцера и других. Представленные этими авторами классификации социологических школ и теорий отличаются чрезвычайным разнообразием и зачастую не совпадают ни по содержанию, ни по объему. Отправляясь от разных точек отсчета исторического времени социологии как науки, они нередко оставляют в стороне целый ряд социологических учений, не говоря уже о том, что тот или иной историк социологии вряд ли в состоянии охватить всю область современных социологических теорий. Тем не менее, эта вполне объяснимая незавершенность историко-социологических классификаций не отменяет их значения в качестве существенного фактора, способствующего формированию дисциплинарного самосознания. Созданные в процессе историографического упорядочивания стереотипы нередко на долгие годы становятся ориентирами для подавляющего большинства членов социологического сообщества, превращаясь в своеобразные историографические парадигмы. В качестве примера можно привести классификационную схему П.Сорокина, представленную им в "Современных социологических теориях" (1928), которая установила оценочные нормативы по концептуальным параметрам не только "школ", но и стилей мышления в социологии. Стоит подчеркнуть, однако, что свою характеристику наиболее продуктивного среди них "социологического" стиля мышления, указавшего перспективу развития новейшей антиредукционистской социологии, Сорокин сформулировал, отталкиваясь от традиционного классифицирования социологических теорий, придав ему тем самым эвристическое измерение.

Подобные эвристические находки встречаются и в классификационных разделах позднейшей немарксистской социологии, будь то дилемма "большой теории"

и "абстрактного эмпиризма", которую сформулировал Р.Миллс, или противостояние "академической" и "альтернативной" социологии, описанное А.Тоулднером. Предлагаемые аналитические категории отмечали новые, до тех пор неизвестные ракурсы идейно-теоретических оценок социологических школ, формируя к ним определенное практически-политическое отношение со стороны широкой общественности.

Так обнаруживали себя подспудные эффекты историко-социологических классификаций, преследовавших ранее лишь цели внутри-дисциплинарного толка. Постепенно начинало давать себя знать и их конструктивное действие на дисциплину. Стремясь первоначально к старательному подчеркиванию и фиксации противоположностей между отдельными социологическими школами, историки социологии способствовали воспроизведению внешне диверсифицированного, но по существу континуального корпуса социологической науки. Каждая предлагаемая ими очередная историографическая классификация оборачивалась новым вариантом систематики социологических теорий, приобретающей статус узаконенности. Социологическая "вселенная" принимала свои очертания в зависимости от историко-социологических конструкций.

Нужно отметить, что конструктивная функция историографии социологии обнаружила себя не сразу, а лишь достигнув определенной теоретической зрелости. Перейти к сознательному конструированию образа социологического мира она могла только после этапов первичной обработки своего материала, накопив достаточный запас оценочных категорий.

Конечно, конструктивные задачи по-своему выполняла и описательная история социологии, не говоря уже о целой серии аналитических классификаций социологических теорий. Однако действительно эффективной в этом отношении история социологии смогла стать тогда, когда сама научилась пользоваться орудиями теоретического конструирования и идеализации — моделями, идеальными типами, объясняющими схемами и т.д. С их помощью удавалось уже не только фиксировать поверхностные сходства и различия между социологическими теориями, сводя их в непритязательные таксономии, но и обнаруживать более прочные и естественные связи. Возникала реальная возможность преодолеть ограничения историографического дескриптивизма, когда история социологии сводилась либо к собранию биографий выдающихся социологов, либо к более-менее репрезентативному списку социологических школ, систем и "измов", что очень тонко подметил Низбет [1, р.3]. Сам он во избежание примитивного дескриптивизма предпочитает моделировать историю социологии как историю ее основных идей. К таким идеям, по его мнению, относятся категории общины, авторитета, статуса, священного и отчуждения [Там же]. С помощью таких теоретических конструктов автор составляет подобия концептуально-тематических единств, которые становятся исходными единицами нового классификационного порядка социологических учений. При этом основой служат весьма различающиеся между собой элементы отдельных классических социологических концепций. Так возникает новая типология социологических теорий, базирующаяся уже не на внешних знаках, а на характеристиках, связанных с сущностным ядром социологической традиции.

Низбет как бы "перекраивает" привычную карту социологической вселенной, заодно приучая социологов к тому, чтобы пользоваться предложенными им дополнительными ориентирами. В этом смысле конструктивное действие его схемы несомненно. Среди других примеров применения сложных теоретических средств в целях более эффективного воздействия на формирование научного профиля социологии можно упомянуть известную типологию современных социологических теорий, предложенную супругами Лумис [3]. Она построена согласно критериям, выработанным для "идеализированной" теории.

Таким образом, конструктивная функция историографии социологии закрепляется в определенном "слое" этой субдисциплины подобно тому, как в такие же "слои" в свое

время отложились усилия по обеспечению дескриптивно-регистрационной и аналитико-дискриминационной функций.

История *versus* теория

Было бы, однако, нереалистично предполагать лишь положительное конструктивное воздействие историографии на свою дисциплину. Не следует забывать, что именно она помогает постоянно воспроизводить такие свойства социологии, как крайняя диверсифицированность и расщепленность. Рефлектируя реальный плюрализм социологических теорий, школ и направлений, история социологии в немалой степени способствовала его увековечению. Невольно возникают вопросы: не она ли виной тому, что на фоне других, сравнительно однородных и консолидированных, научных дисциплин, социология предстает как скопище направлений и взглядов, шокирующее разнообразие которых даже вызвало остроумное сравнение с гигантским кафетерием, предлагающим посетителям меню на любой вкус? [4, p.5]. Не создаются ли в процессе кропотливой историографической регистрации, дискриминации и классификации те, подчас непреодолимые, барьеры, которые отделяют одну социологическую "школу" от другой? Не возводятся ли иногда во имя исторической точности некоторые малозначимые понятийно-терминологические отклонения и смысловые разночтения во взглядах отдельных, близких по своим установкам, западных социологов, в ранг принципиальных, чуть ли не мировоззренческих разногласий, закладывающих зародыш позднейшим внутридисциплинарным спорам?

Историки социологии действительно ответственны за намеренную тематизацию спорадически возникающих вариаций и несовпадений в развитии теоретической системы социологии, которая ведет к оформлению новых научных программ, постоянно конкурирующих между собой. Масштабы этой конкуренции таковы, что для ее пластичного изображения невольно напрашиваются "милитаристские" метафоры. Так, Дж.Гасфильд сравнил состояние современной немарксистской социологии с "версией "звездных войн": теория против теории, теоретик против теоретика... марксисты против дюркгеймовцев, мидовцы против парсонсианцев, зиммелевцы против фрейдистов" [4, p.5]. Для авторов сборника "Подходы к социальной теории" (1986) границы, разделяющие теоретические ориентации в немарксистской социологии, становятся "в наиболее драматические периоды истории нашей дисциплины... фронтными линиями войны (выделено мной. — Д.А.) между различными теоретическими парадигмами" [5, p.5].

Состояние постоянной внутренней войны вряд ли характерно для наук, не располагающих столь солидной разветвленной историографией. Тем не менее, объяснять все исключительно корыстным "умыслом" историков и комментаторов социологии, якобы специально раздувающих внутрисоциологическую борьбу для того, чтобы обеспечить себе поле действия, неправомерно. Их деятельность лишь усиливает объективный процесс многоплановой дифференциации социологического знания, происходящий как бы помимо их воли. Немалую роль здесь играет и присущая начальным этапам развития историографии социологии "личностная" ориентация, когда в центре внимания оказывается не безличная, надындивидуальная система идей и постулатов, а свод "персональных" концепций выдающихся социологов. Такая установка поневоле заставляет историков социологии выпячивать вероятную уникальность и неповторимость этих концепций, оправдывая их право на существование в виде особых научных направлений. При этом задачи конституирования некоей общей и целостной системы идей, категорий, проблем, методов и т.д., создающих специфический облик социологии как науки, отступают на задний план. "Персонализация" истории социологии закономерно приводит к раздроблению последней на невероятное множество учений, число которых постепенно приближается к числу всех мало-мальски известных социологов-теоретиков.

Процесс прогрессирующего "размножения" социологических школ не приостановился и с переходом от "личностного" к "системному" принципу, который основывался уже не на личных воззрениях исследователей, а на платформе отдельных социологических школ и течений. Избыточная плюрализация и диверсификация социологии была чревата не только постоянными коммуникационными недоразумениями, но и открытыми конфликтами, свидетельствующими о "сумятице в социологической теории" [5, p.5].

Несмотря на свою долю ответственности за культивирование этой сумятицы, историография социологии рассматривается и как безотказное средство воссоздания дисциплинарного единства. С этой целью обыгрывается возможность известной взаимозаменяемости истории науки и ее теории, что обусловлено подобностью их когнитивных структур. Ведь история науки является собственно ее развернутой во времени теорией, а теория — это по существу не что иное, как застывшая в моментальном снимке история науки.

Социология, пожалуй, лучше других дисциплин сумела воспользоваться возможностями "субстанциализации" исторического потока спорадически возникающих социологических учений, который вдруг оборачивается застывшими пластами теории. Трудной и нередко неэффективной работе по созданию единой общей концепции дедуктивного типа, отвечающей современным научным требованиям, она предпочла сравнительно легкий и к тому же беспроектный путь камуфлирования мнимого теоретического богатства с помощью перечисления всех накопленных за ее историю вариантов интерпретации социальной реальности. Составленная из них мозаика по сути дела служит суррогатом теории. Именно потому в годы кризисов социологии ее представители демонстрируют "все увеличивающийся интерес к истории социологии" [6, p.121]. Сегодняшний "всплеск" такого интереса является, по нашему мнению, своеобразной реакцией на образовавшийся "вакуум в социологической теории" [5, p.3].

В сложившейся ситуации историография социологии оказалась по существу одним из немногих средств, которые поддерживают незыблемость традиционных основ социологического здания. Упорно воспроизводя привычный перечень имен и школ, она как бы пытается убедить себя и других, что главные "несущие конструкции" этого здания остаются непоколебимыми. Именно потому большинство трудов, посвященных теории социологии, фактически являются работами по истории социологии. Достаточно обратиться к книгам Дж.Гернера, Дж.Ритцера, У.Скидмора, вышедшим в начале 80-х годов. Но особенно показателен в этом отношении четырехтомный трактат Дж.Александера "Теоретическая логика в социологии" (1983), скроенный по мерке типичного историко-социологического обзора, недвусмысленно ориентированного на анализ социологической "классики" (позитивизм, Маркс, Дюркгейм, Вебер, Парсонс). Широкое и многостороннее использование классического наследия необходимо автору для "синтезирования" новой общей теории как вероятного, но вовсе не исчерпывающего итога, что лишний раз свидетельствует о все более явном превращении истории социологии в ее теорию. Таким образом, история социологи, уверенно начала вытеснять теорию, смело беря в ряде случаев на себя ее функции или вступая с ней в сложные взаимодействия. Проявлением печати "теориеподобности" историографии социологии стал переход от принципов линейного хронологического описания развития социологических теорий к панораматическим синхронным изображениям состояния современной социологии. Соответственно из историографического арсенала постепенно исчезает необходимая атрибутика в виде подробных исторических характеристик обстановки возникновения и развития отдельных социологических учений, биографических и библиографических обзоров, соблюдения хронологического порядка изложения соответствующих концепций и т.п. Теряя черты исторического описания, она все более превращается в социологическую систематику, которая абстрагируется от процесса эволюции своей науки.

Методологические издержки "сближения" теории и истории социологии находят отражение в разгоревшемся в последние годы споре между сторонниками историзма и презентизма. Представители историзма, среди которых не только профессиональные историки социологии Дж.А.Пил или Р.А.Джонс, но и такие крупные теоретики, как Р.Мертон, Л.Козер, А.Гоулднер и другие, считают постоянный "диалог между прошлым и настоящим" невозможным. По их мнению, накопленное "классиками" социологии теоретическое богатство не может быть использовано "в качестве основы для сегодняшнего теоретизирования" [7, p.234], поскольку слишком "привязано" к своему контексту, т.е. к той исторической обстановке, в которой оно возникало. Да и понять теоретиков прошлого можно, якобы лишь соотнеся их с их "собственными культурными" мирами" [7, p.235]. Поэтому если в недавнем прошлом, когда исследование классики было главным для создания новых социологических теорий (Маркс, Дюркгейм, Парсонс, Дарендорф и др.), историография социологии могла выполнять генеративную функцию по отношению к своей дисциплине, то сейчас подобное использование истории социологии наталкивается на определенное сопротивление. Тем самым прерывается преемственность между вчерашней историей и сегодняшней теорией и не только отрицается актуальность исторического опыта социологической "классики", но и ставится под сомнение ценность опыта нынешних социологов для будущих поколений.

Историцистская, или, как ее еще называют, контекстуалистская программа обязана своим содержанием в значительной степени концепции научного развития Т.Куна. В противовес провозглашаемому историцистами тезису о том, что история социологии не может ничему научить, раздаются голоса в защиту преемственности между классикой и современностью. Они принадлежат представителям социологического презентизма, в частности С.Сейдмэну, Д.Герстейну и другим, которые считают возможным интерпретировать социологические тексты прошлого в зависимости от "настоящего теоретического контекста" [6, p.121], что обеспечивает постоянную продуктивную взаимосвязь различных этапов развития социологии. В своих крайних формах презентизм утверждает возможность реконструкции прошлого социологии с помощью существующей теоретической рамки, которая обусловит не только структуру, но и содержание интерпретаций прошлого. Теоретическое настоящее формирует таким образом "социологическое прошлое" [6, p.134]. В результате подобного "теоретического структурирования" обнаруживаются реальные формы континуальности социологической дисциплины, проявляющиеся как в тематической перекличке между теориями прошлого и настоящего, так и в образовании "постоянного словаря идей и интересов" [8, p.153].

Однако презентизм предполагал не только конструктивное воздействие теорий настоящего на образ теорий прошлого, но и обратное влияние идей классики на современность. Такое влияние осуществляется, по мнению Сейдмэна, посредством основных социологических школ и традиций. Эти школы выработали классическую социологическую теорию, благодаря которой они стали "интегральной частью дисциплины" [6, p.133] и тем самым определили социологические конвенции, лежащие в основе дифференциации сегодняшних социологических направлений. Современная социология принимает теоретическую эстафету от классического прошлого, платя ему дань аналогичностью классификационных и смысловых структур.

Явственнее, чем какая-либо иная методологическая традиция в истории социологии, презентизм обозначил конструктивную функцию историографии при формировании дисциплины, обратив внимание на феномен "обоюдного конструирования", когда не только настоящее конструирует и структурирует прошлое, но и наоборот. Наметив пути диалога между социологическим прошлым и настоящим, презентизм попытался преодолеть барьеры, возведенные историзмом между историей и систематикой социологических теорий. В то же время сторонники презентизма обнаружили стремление пересмотреть его крайности и найти определенный компромисс с историзмом, высветившим ряд гносеологических и методологических трудностей

историко-социологического исследования, в частности противоречия, в которые вступает позиция историографа с позицией описываемого им мыслителя. Может быть, именно потому умеренный презентизм решился включить в свои изыскания известную долю идиографизма и контекстуализма, считая, что это необходимо для более адекватного познания изучаемых исторических периодов. Так возникла платформа для синтеза некоторых умеренных форм историцизма и неортодоксального презентизма во имя поисков наиболее продуктивных форм историографического анализа социологии. О плодотворности подобного синтеза свидетельствует хотя бы существенный пересмотр классического наследия за прошедшие полстолетия. На это указывает Р.Коллинз, сравнивая нынешние историографические оценки социологических концепций Маркса, Дюркгейма и М.Вебера с тем скромным местом, которое они занимали в "Современных социологических теориях" Сорокина, изданных в 1928 году. Колоссальный рост значения этих концепций Коллинз объясняет не только их собственной оригинальностью, но и соответствующей комментирующей работой "потомков", в противовес тем, кто утверждает, что "социологи должны трактовать своих теоретических предшественников просто как интеллектуальную историю, как фигуры, которые оцениваются в их собственных контекстах" [9, p.39-40].

Существенное обогащение истории социологии за счет теории как нельзя больше говорит в пользу защищаемого умеренным презентизмом тезиса об "исторической когерентности" [6, p. 133] между прошлым и настоящим социологической дисциплины.

Поиски единиц историографического исчисления

Спор между историцизмом и презентизмом протекал в контексте "историографической революции" [10, с.19], которую вызвало появление историко-научной концепции Т.Куна в начале 60-х годов. Предлагаемое им рассмотрение развития науки как серии революционных переворотов, обусловленных новыми научными открытиями и достижениями, было направлено против расширенных кумулятивистских воззрений. Последовавшая в связи с этим всеобщая ломка методологических подходов в традиционной историографии науки не могла не коснуться социологии, вынужденной искать новый теоретический облик. Определяющей линией таких поисков с конца 60-х годов стало вытеснение континуальных представлений об историческом развитии социологии дисконтинуальными, составившими суть историцистской концепции Куна. История социологии трактовалась не как непрерывный процесс накопления теоретического богатства, а как мозаика из неоднородных и несоизмеримых теоретических образований. Этот существенный методологический поворот привел к необходимости пересмотреть расширенные способы систематизации и классификации социологических теорий и переоценить традиционные историографические подходы. Систематика социологии сомкнулась в этом пункте с ее историографией для того, чтобы объединенными усилиями постараться выделить наиболее предпочтительную единицу социологического исчисления.

Решение этого важнейшего методологического вопроса, углубленная рефлексия которого свидетельствовала о повышающейся интеллектуальной зрелости дисциплины, во многом определяло формирование нового типа историко-социологического исследования, обещавшего преодолеть ограничения традиционных классификационных схем. От того, что будет выбрано за репрезентативную единицу историографического анализа — "классические тексты, индивидуальные фигуры, национальные традиции, единичные идеи, школы, парадигмы и т.д." [6, p. 134], зависит характер получаемого на "выходе" историографического анализа "продукта", который сам, в свою очередь, определяет характер науки как таковой. Станет он сводом биографий, намеренно подчеркивающим уникальность и индивидуальную ограниченность регистрируемых социологических достижений, или же связным потоком развития нескольких инвариантных идей? Заострит

ли наше внимание на внешних формах конкуренции социологических школ и парадигм или же позволит углубиться в исследование порождающих эту конкуренцию тенденций научного, а, в конечном счете, и общественного развития? Неслучайно поэтому проблема выбора наиболее подходящей единицы историографического анализа зазвучала в последние годы особенно интенсивно, как бы впитав в себя весь жар внутридисциплинарной полемики.

Социология втянулась не только в ревизию испытанных способов упорядочивания своих теорий, но и в деятельность по конструированию принципиально новых классификаций. Среди традиционных подходов преобладала ориентация на социологические "школы" в качестве единиц анализа, поскольку она, пожалуй, более остальных соответствовала кумулятивистской платформе докуновской историографии науки. Лишь разделив социологический материал по принципу принадлежности к отдельным школам или направлениям, можно ретроспективно проследить зарождение сегодняшних концепций, воссоздав тем самым непрерывную линию эволюции дисциплины. Именно "школа" была поставлена во главу угла в историко-социологических трудах Барта, Сорокина, Мартиндейла, Тернера, Боттомора, Низбета и других.

Вторым распространенным подходом можно считать подход, который кладет в основу индивидуальную концепцию того или иного социолога, что позволяет осуществить подробные биографические исследования, посвященные выдающимся ученым. В большинстве случаев "личностный" подход оказывается подчиненным "школьному", дополняя и проясняя его. Учитывая данное обстоятельство, многие историки социологии комбинируют их. Так, в частности, поступал Н.Тимашев в книге "Социологическая теория: ее природа и рост", изданной в 1955 году, так поступает и автор другой, вышедшей уже в 1983 году, "Социологической теории" Дж.Ритцер. Последний, воздавая должное обоим подходам, делит свою книгу на две части. В первой он излагает социологические концепции "главных теоретиков", среди которых фигурируют Маркс, Дюркгейм, Вебер, Зиммель, Парсонс и Шютц, во второй "главные теории", т.е. структурный функционализм, неомарксистскую социологию, символический интеракционизм, феноменологическую социологию и этнометодологию, теорию обмена и бихевиористскую социологию. Выдающиеся социологи, выбранные автором, не всегда выступают в качестве основателей выделенных им школ, а потому обе приведенные классификации призваны дополнять друг друга.

Еще более рафинированный способ комбинирования "личностного" и "школьного" подходов использует М.Абрахамсон в книге "Социологическая теория" (1981), где отдельные проблемы социологической науки представлены посредством соответствующих концепций наиболее репрезентативных теоретиков. Например, проблема социальной системы и системы личности рассматривается сквозь призму концепции Парсонса, а проблема социальной стратификации высвечивается с помощью взглядов Маркса, Вебера, Дэвиса и Мура. При этом социологические воззрения теоретиков используются "многократно", ведь они зачастую были носителями не одной, а нескольких идей в различных областях социологического знания. В итоге автору удается преодолеть одноплановость трех типичных способов "организации" материала, а именно: исторического, когда он располагается согласно эпохам; тематического, когда во главу угла ставятся школы; и, наконец, индивидуального, учитывающего вклад в социологию ее ведущих теоретиков [11, р.VII]. Отойдя от окостеневших форм "школьного" и "личностного" подходов, Абрахамсон подал пример гибкого использования историко-социологического материала.

В практике историографии социологии встречаются такие подходы, согласно которым основу классификации составляют отдельные региональные или национальные социологии. Так, Г.Беккер и Г.Барнес описывают развитие социальной и социологической мысли в отдельных странах (Англия, США) и в целых языковых областях (франкоязычной, немецкоязычной и т.д.), которые затем также разделяют [12], а,

например, Х.Клагес придерживается, скорее, "континентального" принципа дифференциации социологии на европейскую и американскую, эволюцию которых и делает предметом рассмотрения [13]. "Региональный" подход тоже требует дополнения за счет "школьного" и даже "личностного" подходов, что и демонстрируют упомянутые авторы, которые не могут не перейти от глобальных характеристик к индивидуализированному описанию социологических школ, а от него — к анализу "персональных" концепций выдающихся социологов.

Стулком этих трех классификаторских подходов является способ презентации истории социологической мысли в опоре на классические тексты. Так, Дж.Мэдж анализирует в определенной хронологической последовательности лучшие образцы эмпирической социологии в Европе и в США [14]. В качестве предпочтительной единицы исчисления в данном случае выступает даже не "персональная" концепция, а единственная книга того или иного социолога. Однако кажущаяся возможность субъективного выбора "приторможена" четкой концепцией исследуемой автором школы социологического мышления, т.е. эмпирической социологии. Этому главному критерию подчинены по существу и "личностный" и "региональный" принципы.

Несомненно оригинальная по замыслу историографическая попытка Мэджа, к сожалению, не нашла последователей в наши дни. То же относится к упоминавшемуся нетрадиционному способу идентификации социологической традиции, примененному Низбетом как альтернатива "личностному" и "школьному" подходам. Низбет предложил в качестве единицы исчисления не личность социолога и не систему взглядов, а "идеи, которые являются элементами системы" [1, р.4]. Вместе с тем он не только не игнорирует "персональные" концепции", а наоборот, воссоздает свои конструкции основных социологических идей, привлекая личный вклад наиболее выдающихся социологов.

То, что предлагает Низбет, действительно ломает рамки "школьного" подхода, объединяя под "крышей" одной идеи различных, часто несовместимых авторов. Но, абстрагируясь от факта разделения социологии на "школы" и нарушая тем самым представления о кумулятивности внутри "школьного" развития, он достигает большего — наглядно демонстрирует континуальность социологической традиции в целом.

Западная социология настойчиво стремилась вырваться из пут "школьного" подхода. Уже в 60-х годах Мартиндейл и Сорокин пытались в своих историко-социологических работах сконструировать чрезвычайно широкие классификационные рубрики, включающие в себя нередко несколько традиционно "номенклатурных" школ. Достаточно упомянуть конструкцию "позитивистского органицизма" Мартиндейла, куда вошли учения Конта, Спенсера, Уорда, Тенниса, Дюркгейма, Редфилда, Шопенгауэра, Ницше, концепции Парето и Фрейда, философско-исторические концепции Шпенглера, Тойнби и Сорокина, и наконец, теория Дж.Ландберга. В этом колоссальном "объединении" четко проглядывает авторская концептуализация главных онтологических и гносеологических критериев отбора соответствующих социологических учений, которую десять лет спустя смело можно было бы назвать модным словом "парадигма". Это обозначение органицизма как тенденции "конструировать свой образ мира на основе органической модели" и позитивизма как тенденции в мышлении, которая "строго ограничивает всякое объяснение феноменов лишь посредством самих этих феноменов" [15, р.52]. Налицо стремление автора не только проследить развитие отдельных сложившихся социологических школ, но и перебросить мосты между их интеллектуальными традициями, причем не ради экономичности историографического описания, а ради извлечения из истории социологии некоторых алгоритмов интерпретации социальной реальности. Это доказывает стремление Мартиндейла ко все более обобщенным типологиям социологических теорий, поглотивших в итоге его первоначальную классификацию [16, 17]. Он намеренно абстрагируется от таких содержательных обозначений социологических теорий, как "позитивизм", "органицизм", "бихевиоризм" и т.п., которые прочно ассоциируются с конкретными школами

социологической мысли, и обращается к общеметодологическим параметрам типа "элементаризм", "холизм", "индивидуализм", "коллективизм" и т.п.

Такая же логика просматривается и у Сорокина, проделавшего путь от классификационной схемы "Современных социологических теорий" 1925 года к предельно инклюзивной и отвлеченной типологии 1966 года, представленной в "Социологических теориях сегодня". Для ее создания используются общенаучные характеристики: "номинализм", "сингуляризм", "атомизм", "систематичность" и "системность", "тоталитарность" и "нетоталитарность" и т.д. К этой классификации Сорокина подвело осознание новой ситуации в немарксистской социологии середины 60-х годов, когда наметилась реальная конвергенция социологических школ, ведущая в перспективе ко все большей интеграции социологической теории. Поэтому спонтанный переход западных социологов в 70-е годы на рельсы "парадигмального" подхода был не данью очередной методологической моде, а, скорее, шагом, объективно подготовленным всем предшествующим развитием дисциплины.

Как бы то ни было, но созревшее в лоне социологии желание подняться над методологическими ограничениями "школьного" подхода, вытекающими из кумулятивистской концепции развития науки, нашло воплощение в методологическом аппарате, который формировался в рамках откровенно историцистской платформы Т.Куна. Предложенный им метод исчисления историко-научного материала с помощью такой единицы, как научная парадигма, оказался для западной социологии к концу 60-х — началу 70-х годов тем искомым и найденным, с помощью которого она предполагала преобразить свой историографический подход.

Парадигмальная интерпретация истории социологии

Первой эксплицитной попыткой применить куновскую концепцию парадигм к развитию социологии и систематизации ее наличных теорий предпринял Р.Фридрихс в книге "Социология социологии" (1970). За этой попыткой вскоре последовали другие. К 1980 г. американские социологи Д.Л.Экберг и Л.Хилл констатируют наличие не менее 12 вариантов парадигмального подхода в социологии [18, p. 132]. В действительности их гораздо больше, даже если не считать случаев, где термин "парадигма" играет роль лишь модной этикетки для обветшалых понятий. За короткий срок концепция господства и смены парадигм как определенных научных достижений, признаваемых соответствующей общиной ученых, достаточно глубоко внедрилась в социологический обиход, подчинив себе не только теоретизирование, но и обыденный язык социологов. По частотности употребления термин "парадигма" мог соперничать с термином "теория", который он постепенно вытеснял.

Однако реальные шансы социологии стать парадигмальной наукой были не столь высоки. Острота внутридисциплинарных разногласий, когда оспаривались "самые основы" этой науки, заставила Куна в свое время сделать вывод о ее допарадигмальном статусе. Этого не отрицали и социологи, в большинстве своем соглашавшиеся с тем, что социология... не имеет установленной парадигмы. Она еще находится в процессе сортировки различных теорий с конфликтными теоретическими целями, из которых каждая считает, что она может лучше понять реальный мир, чем другие" [19, p.18].

Серьезные трудности создала многозначность самого понятия парадигмы у Куна, что позволяло интерпретировать ее весьма вольно как "общую теоретическую перспективу" или даже "собрание элементов из нескольких более или менее различающихся между собой перспектив" [18, p.122]. Такое широкое толкование способствовало достаточно произвольному и субъективному применению парадигмы в социологическом теоретизировании, проявлявшемся и тогда, когда социологи старались держаться ее интерпретаций в качестве "дисциплинарной матрицы" [10, с.237] или же общепризнанного образца как наиболее распространенных версий.

Все эти трудности преодолевались историками социологии в надежде, что концепция научных революций поможет им более основательно постичь процесс развития своей науки, представив его уже не как кумуляцию несвязных социологических учений, концепций и взглядов, а как закономерный, общественно обусловленный процесс возникновения и последовательной смены основных научных парадигм. При этом историография социологии сосредоточила свой интерес не столько на теории научных революций, приводящих к установлению новых парадигм, сколько на самих парадигмах как весьма сложных теоретических образованиях, включающих в себя, наряду с когнитивными элементами, ценностные, мировоззренческие, операционные и другие характеристики. Историки социологии предпочитают классифицировать парадигмы, относясь к ним не как к результатам исторически обусловленных переворотов в социологическом мышлении, а как к продуктам своей конструирующей активности. Смысл этой активности зачастую сводится к тому, как бы сделать парадигму "пошире", чтобы вместить в нее побольше частных теорий, да дать ей название поизобретательней, не вызывая знакомых ассоциаций.

Эту мысль подтверждает и анализ перечня парадигмальных подходов в социологии, составленного Экбергом и Хиллом. Использование ими дихотомического или трихотомического принципов предполагает весьма широкую "вместимость" отдельных парадигм, каждая из которых включает множество конкретных теорий. Так, например, в выделенную Ритцером парадигму социальных фактов входят структурно-функциональный анализ, теория конфликта, теории систем, а парадигма социальной дефиниции уже настолько "широка", что вмещает в себя пять теорий: теорию действия, символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию и экзистенциализм. Последняя парадигма — социального поведения — объединяет лишь поведенческую социологию и теорию обмена [20, p.8-9].

Сходным образом сконструированы парадигмы в книге Г.Кинлоха "Социологическая теория. Ее развитие и главные парадигмы" (1977). Органико-структурно-функциональная парадигма включает в себя взгляды органицистов, Дюркгейма, Тенниса, структурных функционалистов, конфликтно-радикальная представлена работами К.Маркса, Р.Парка, В.Парето, Т.Веблена, Р.Дарендорфа и Л.Козера, Р.Миллса и Д.Рисмэна, социально-бихевиористско—социально-психологическая — учениями М.Вебера и Дж.Мида, Г.Зиммеля и У.Самнера наряду с современными концепциями символического интеракционизма, теорией ролей, теорией обмена и этнометодологией [21, p.31-33].

Предельная "емкость" предложенных парадигм сочетается с намеренно абстрактной их номенклатурой, как бы специально отвлекающей от привычных названий социологических школ и направлений. Эти типологии формулируются в терминах "жреческая"—"пророческая" (Фридрихе), "конфликт"—"консенсус" (Леман-Юнг), "класс"—"организация" (Уэстюз), "номологическая"—"интерпретативная"—"критическая" (Шерман), которые имеют характер абстрактных, общесоциологических категорий. Правда, в ряде случаев воспроизводятся названия традиционных социологических школ, скажем, дихотомия "позитивизм"—"феноменология" у Уолша или трихотомия "структурный функционализм"—"экологический интеракционизм"—"операционализм" у Куклика, что доказывает недостаточность отпочкования парадигмального подхода от "школьного". Иногда эта переключка становится настолько явной как в тождественности номенклатуры, так и в содержании "списка" рассматриваемых теорий, что невольно возникает мысль о взаимозаменяемости "школ" и "парадигм". В перечне Боттомора, например, приводятся структурно-функциональная, историческая, структуралистская и феноменологическая парадигмы, у Денисова — микросоциология, социальный эволюционизм, а Эффрат расширяет свой список до восьми — марксизм, культурно-личностная школа, дюркгеймовская парадигма, веберовская—парсоновская—кибернетическая парадигма, парадигма обмена—

утилитаризма, фрейдизм, символический интеракционизм, феноменология — этнометодология.

Если у Боттомора, Денисова и Эффрата парадигмы оказываются этикетками, навешенными на старые реалии традиционных историко-социологических классификаций и потому не дающими приращения знания о социологических теориях, то в ряде других парадигмальных классификаций делается ставка на такое приращение. При этом обыгрывается генерализационный и интеграционный потенциал парадигмы, для чего мобилизуется ее широкая интерпретация как "всей совокупности убеждений, ценностей, технических средств и т.д., которая характерна для членов данного сообщества" [10, с.228]. Совпадая по смыслу с другим куновским определением парадигмы в качестве "дисциплинарной матрицы", данная интерпретация создавала реальные предпосылки для ее использования в социологии.

На нее опирался Ритцер, обозначая парадигму как "фундаментальный образ предмета внутри науки" [22, р.7], к ней тяготел Киндох, рассматривая парадигму как "модель реальности", ее имеет в виду Гаттинг, говоря об "исчерпывающем метафизическом и методологическом мировоззрении "супер-теории" [18, р.12]. Она составляет смысловой фундамент многих других социологических трактовок парадигмы, позволяя использовать ее как максимально широкий объяснительный принцип, который подчиняет себе содержащиеся в отдельных частных теориях решения, а потому оказывается основой их возможной генерализации или хотя бы суммаризации. В этом смысле парадигма становится метатеорией нескольких родственных теорий или концепций.

Парадигматический анализ истории социологии должен дать приращение знания по сравнению с анализом, проведенным на уровне регистрации отдельных теорий. Это приращение происходит на уровне методологических открытий, мировоззренческих характеристик, оценок перспектив развития науки. О том, что такое понимание парадигмального анализа имплицитно историографии и систематике современной немарксистской социологии, свидетельствуют замечательный анализ Т.Вильсона, посвященный "смене" нормативной парадигмы, вытесненной в начале 70-х интерпретативной парадигмой поведения [23], а также формулирование обобщенной парадигмы "социального обмена" Дж.Р.Бениджером и Л.Савори [24]. В обоих упомянутых случаях парадигмальный анализ вносит вклад в прежние историко-социологические представления, по-новому освещая идеологическое содержание входящих в ту или иную парадигму частных теорий, оценивая используемый ими аппарат объяснения в контексте более широких методологических перспектив. Именно в таком глубоком, аналитическом подходе и нуждалась история социологии. Однако не все попытки парадигмального анализа оказались успешными.

Некоторые социологи не пошли дальше чисто вербальных упражнений с термином "парадигма" и не смогли получить "новый синтез социологических теорий", как это обещал Дж.Митчелл [25, р.IX]. Посвятив свою работу задачам парадигматического синтеза теорий социального обмена, драматургии и этнометодологии, автор на деле ограничивается лишь воспроизведением содержания каждой из них. Никаких намеков на установление парадигмального единства между этими достаточно близкими теориями книга Митчелла не обнаруживает.

Но даже когда сторонники парадигмального подхода стараются его применить, он либо выливается в схематическую сводку истории социологии, некое сокращенное изложение наиболее распространенных теорий, либо возвращается к старым "школьным" классификациям и описаниям.

Одной из форм такого рецидива является мультипарадигмальный анализ социологии, принявший в последние годы вид устойчивой тенденции [17]. Его носители (Боттомор, Низбет, Ритцер, Брайант и другие) следуют тезису о "мультипарадигмальности" социологии как науки, находя тем самым оправдание

одновременному присутствию в ней нескольких доминантных парадигм. Брайант считает такое состояние извечным для социологии. Исходя из куновской интерпретации парадигмы как "дисциплинарной матрицы", он утверждает, что в современной немарксистской социологии сосуществуют парадигмы структурного функционализма, социального эволюционизма, теории конфликта, теории действия, феноменологической социологии, этнометодологии, "не говоря уже о постоянном присутствии Маркса, Дюркгейма и Вебера" [26, p.16]. Вся его книга остается на уровне испытанных "школьных" описаний, воспроизводящих избранные части концепций Сен-Симона, Конта, Дюркгейма, Маркса, Вебера, Дарендорфа, Миллса и других. Автор даже не пытается установить парадигмальный фон этих концепций или создать объединяющую их парадигмальную конструкцию. Поэтому и его работу можно назвать примером фиктивного, а не реального парадигмального анализа.

На этот же путь встают Боттомор и Низбет, уподобив свой издательский историко-социологический труд "История социологического анализа" обычным описаниям, построенным как обзор основных школ в западной социологии [27]. И здесь причиной такой непоследовательности является подсознательная замена социологической парадигмы отдельной социологической теорией, что типично для обыденного социологического сознания.

Если в вышеупомянутых попытках речь шла лишь об имитации мультипарадигмального подхода, то у Ритцера мы находим продуманную концепцию мультипарадигмальности социологии [22]. Для ее реализации ему приходится преодолеть ряд препятствий логического и терминологического характера, а главное внутреннюю противоречивость самого понятия "мультипарадигмальность", которое выступает как *contraditio in adjecto*. Он значительно ослабляет строгость некоторых требований концепции Куна относительно обязательности парадигмы для всей дисциплины в целом, считая возможным ее существование в качестве мировоззренческой платформы, объединяющей представителей отдельных научных сообществ внутри дисциплины. В этом случае парадигма не перестает быть обязательной, но в то же время не может претендовать на господствующее положение в науке. Таким образом, допускается существование двух- и мультипарадигмальных наук.

Однако эта ситуация вовсе не означает мирного сосуществования, поскольку "отдельные парадигмы борются за гегемонию внутри целого" [22, p.12]. Социология, согласно Ритцеру, являет собой пример мультипарадигмальной науки, для которой типична конфронтация различных теоретических платформ, причем настолько острая, что он выдвигает тезис о необходимости "наведения мостов" между парадигмами [20, p.12]. Ритцер даже продумывает возможность формулирования "интегрированной социологической парадигмы", которая могла бы преодолеть односторонность всех трех главных социологических парадигм [20, p. 12-13]. При этом он стремится не столько к историографической систематизации в социологии, сколько к завоеванию для нее прочного научного статуса. Что касается собственной монографии по истории социологии, то ее Ритцер пишет отнюдь не в духе парадигмального подхода, а прибегает к испытанному "лично-школьному" методу историографии [28].

Данный факт свидетельствует прежде всего о реальных трудностях, связанных с применением парадигмального анализа в истории социологии. За поисками парадигмальных конструкций нередко оставалась без внимания необходимость анализа целостного социально-исторического фона, на котором возникают парадигмы. Увлечшись процессом идентификации внешних форм "движения" последних на теоретической "поверхности" социологии, исследователи зачастую не замечали скрытых, "подводных" течений, которые детерминировали это движение. Поэтому, несмотря на свой значительный аналитический заряд, парадигмальный анализ социологических теорий существенно не углубил историко-социологическую саморефлексию.

Идентификация трендов развития

Наиболее подходящим способом анализа эволюции социологической мысли нам представляется способ, опирающийся на идентификацию основных тенденций (трендов) развития социологии, характерных для относительно длительных временных процессов и обусловленных значительными общественными переменами. Особенность таких тенденций состоит в том, что они, на первый взгляд, вообще не могут выступить как повсеместно распространенные явления, подтверждающие своей вездесущностью прочность и устойчивость того или иного направления развития. Наоборот, они находят выражение в поначалу незначительных, периферийных признаках, которые, будучи производными от глубинных, не всегда заметных глазу, общественных "подтекстов", постепенно приобретают все большее постоянство и жизнеспособность. Именно поэтому ряд признаков, связанных с возникновением новой тенденции в развитии социологии, может проявляться еще долгое время после того, как уже перестали существовать непосредственные причины, которые ее когда-то вызвали.

В этом смысле оценка развития социологии с точки зрения идентификации ее основных тенденций дает известные преимущества перед традиционным "школьным", а также парадигмальными подходами, поскольку обеспечивает более полное представление об исследуемом целом и одновременно позволяет прогнозировать дальнейшие пути развития дисциплины. Кроме того, такой подход значительно усиливает эвристический эффект историографии социологии, создавая для нее широкие возможности проникнуть в скрытую идейно-политическую "инфраструктуру" конкретных обществ, обнаружить глубинные механизмы их функционирования, точнее определить дислокации главных общественных сил и политических движений. На этой основе можно уже с большей вероятностью предвидеть сдвиги и повороты в общественном сознании, фиксируя траекторию движений отдельных течений в социальной мысли. Их подъем или упадок, взаимное противостояние и борьба рассматриваются как функция глубинных общественных процессов.

Стремление к рефлексии современного развития западной социологии в терминах "тенденции", "тренды", "перспективы" становится все более типичным для ее историографии. Так, известный американский исследователь У. Мур констатирует растущую интеллектуальную гетерогенность американской социологии, что находит отражение в недостатке объединяющих тем, интересов и общих теоретических ориентации [29]. Причину тенденции к "идеологической и субстанциальной фрагментации" он пытается обнаружить с помощью определения других тенденций чисто научного свойства. Это растущая дифференциация и специализация американской социологии, которые, по мнению Мура, ведут к общему снижению уровня социологической подготовки, стиранию границ между профессиональными социологами и непрофессионалами, а также к иным нежелательным для дисциплины последствиям.

Упомянутые Муром тенденции мы бы отнесли к структурно-морфологическим, поскольку речь идет о развитии социологии, внутренних перегруппировках ее отдельных элементов (концепции, методы, организованные структуры и т.п.), возникновении новых внутренних и внешних связей. В этом отношении западные историки социологии уделяют внимание фиксированию ряда тенденций, хотя и не рефлектируют зачастую свой подход как "трендовый". Среди несомненно структурно-морфологических трендов — тенденция "интернализации", которую отмечают Боттомор и Низбет [27], и тенденция к сектантству, о которой пишет С. Айзенштадт [30].

Другим направлением идентификации основных тенденций в социологии является рефлексия ее идейно-когнитивных и методологических трендов. Речь идет о новых концептуальных и объяснительных моделях, которые, внедряясь в сознание все большего числа социологов, заставляют их переориентироваться в теории и эмпирических исследованиях, приучают по-новому мыслить и оценивать социальную реальность. К

тенденциям такого рода можно отнести тренды к реидеологизации, рефилософизации и "марсизации", поворот к качественным исследованиям, интерпретативной ориентации, обращение к нормативизму морального плана и т.д.

Заслуживает внимания попытка установить такую тенденцию, как стремление к "отуземщиванию" (indigenation) социологии, которое все настойчивее проявляется в странах "третьего мира", прежде всего Африки. Социологи этих стран противостоят механическому применению в своих условиях концептуальных, исследовательских и социотехнических стандартов американской социологии [31].

Разумеется, подход к истории социологии с точки зрения "трендов" вовсе не отменяет традиционных "классификаторских", а также парадигмальных подходов. Как показывает практика, наиболее продуктивных результатов можно достигнуть, применяя их все, но каждый на определенном уровне анализа историографического материала. Однако между ними должна существовать определенная субординация, которая диктуется соотношением стратегических и тактических целей историко-социологического исследования. В любом случае можно утверждать, что многообразие форм историографической рефлексии современной социологии в какой-то мере гарантирует значительное расширение ее исследовательских возможностей при углубленном освоении социологического наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nisbet R. The Sociological Tradition. New York: Basic Book, 1966.
2. Mitchell D.G. A Hundred Years of Sociology. London: G.Duckworth & Co., 1968.
3. Loomis Ch., Loomis Z. Modern Social Theories. Van Nostrand, 1961.
4. Gusfield J. "Buddy can you paradigm"/ The Crisis of Theory in the Welfare State // Pacific Sociological Review. 1979. Vol.22. N 1.
5. Approaches to social theory / Ed. by S.Lindenberg, J.S.Koleman, S.Nowak. New York: Sage, 1986.
6. Seidman S. Classics and contemporaries: the history and systematic of sociology revisited // History of Sociology. 1985. Vol.6. N.1.
7. Gerstein D.R. Durkheim's Paradigms: Reconstructing a Social Theory // Sociological Theory 1983 / Ed. by R.Collins, Jossey, San-Francisco, 1983.
8. Jones R.A. Presentism, anachronism and continuity in the history of sociology: A Reply to Seidman // History of Sociology. 1985. Vol.6. N.1.
9. Collins R. Three sociological Traditions: On creating the Future while creating the Past // Approaches to Social Theory. New York: Sage, 1986.
10. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
11. Abrahamson M. Sociological Theory. An Introduction to Concepts, Issues and Research. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1981.
12. Becker H., Barnes H.E. Social Thought from Lore to Science. New York: Dover Publ., 1961.
13. Klages H. Geschichte der Sociologie. Munchen: Juventa Verlag, 1969.
14. Madge J. The Origins of Scientific Sociology. Glencoe: Free Press, 1962.
15. Martindale D. The Nature and Types of Sociological Theory. London: Routledge & Kegan, 1961.
16. Martindale D. Sociological Theory and the Problem of Values Columbus, Ohio: Merrill Publ., 1974.
17. The Multiparadigmatic Trend in Sociology / Ed. by U.Himmelstrand. Uppsala, 1987.
18. Paradigms and Revolutions. Applications and Appraisal of Th.Kuhn's Philosophy of Science / Ed. by G.Gutting. Notre Dame: Notre Dame Press, 1980.
19. Theories and Paradigms in Contemporary Sociology / Ed. by S.Denosoff, O.Callahan and M.H.Lebine. Ithaca: Peacock Publ., 1974.

20. Ritzer G. *Toward a Integrated Sociological Paradigm*. Boston: Allyn & Bacon, 1981.
21. Kinloch G.C. *Sociological Theory. Its development and Major Paradigms*. New York: McGraw Hill Books, 1977.
22. Ritzer G. *Sociology: A Multiple Paradigm Science*. Boston: Allyn & Bacon, 1975.
23. Wilson Th. *Conceptions of interaction and Forms of Sociological Explanation* // *American Sociological Review*. 1970. N. 4.
24. Beniger J.R., Savory L. *Social Exchange: Diffusion of a Paradigm* // *The American Sociologist*. 1981. N 4.
25. Mitchell J.N. *Social Exchange, Dramaturgy and Ethnomethodology. Toward a Paradigmatic Synthesis*. New York: Elsevier, 1978.
26. Bryant C.G. *Sociology in action*. New York: Allen & Unwin, 1976.
27. Bottomore T., Nisbet R. *A History of Sociological Analysis*. New York: Basic Books, 1978.
28. Ritzer G. *Sociological Theory*. New York: A.Knopf, 1983.
29. Moore W.W. *Can the discipline survive its practitioners?* // *The American Sociologist*. 1981. N 1.
30. Eisenstadt S.N. *Current theoretical Developments, Research and Controversies in Sociology* // *Advances in the social sciences, 1900-1980* / Ed. by K.Deutsch, A.Markovits, J.Platt. Univ. of America, 1986. Mujiwa S.A. *In Defense of Indigenation in sociological Theories* // *International Sociology*. 1988. Vol. 3. N 2.